

КОВЕН ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН

КОВЕН ЗАБЛУДШИХ ВЕДЬМ

КОВЕН ТЫСЯЧИ КОСТЕЙ

КОВЕН ОЗЕРА ШАМПЛЕЙН

ПРОЛОГ

Шалфей. Чай, солоноватый и приторный, с щепоткой кайенского перца — наполненные до краев пиалы, на сутки сместившие со стола кофе и традиционное какао со взбитыми сливками. *Лаванда.* Сиреневый бархат на дне ступки, высушенный и перемолотый, — щедрая почесть огню, шепчущему в камине. *Полынь.* Ароматное тление свежесрезанных стеблей, омывающее дымом углы и изголовья детских постелей. Духовная чистота пространства — синоним физической безопасности. По преданиям, ничто не отпугивало злых духов лучше, чем священные травы, которые моя семья проносила в подожженных вазочках через все комнаты дома накануне Имболка.

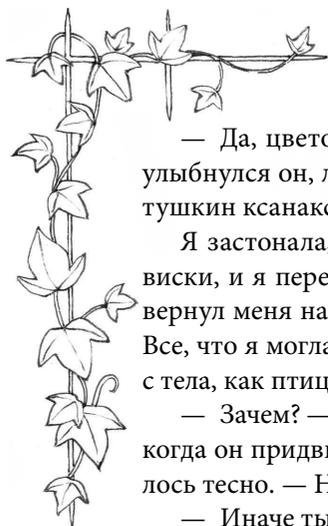
— Чем ты меня напоил?

Перечная мята, въевшаяся в кашемир его свитера. *Гвоздика,* напоминающая о варящемся в котелке пряном вине и скором ужине, на котором обещали подать домашнюю утку с брусникой. *Дурман,* соком которого пропитались его рукава и пальцы, пока он сидел на чердаке пять часов кряду и готовил заклинание, до того безобразное, что оно извращало саму природу колдовства.

Беззвучная вспышка молнии за окном напомнила мне о бесчисленных ночах, проведенных вместе под овчинным покрывалом. Черно-белое кино на проекторе и подгоревший соленый попкорн. Сплетение рук и ног в самых надежных на свете объятиях. Мы могли бы лежать так всю жизнь, наплевав, что в таком огромном особняке полно свободных спален. Мы бы могли...

Маттиола, которую он тайком подмешал мне в напиток.

— Чай, — снова прохрипела я, разлепив отяжелевшие веки и увидев лицо брата, примостившегося на краю подушки. — Это был не шалфей. Ты дал мне другую кружку. Там был левкой, да? Я не сразу узнала вкус.

— Да, цветочный мед превосходно притупляет горечь левкоя, — нежно улыбнулся он, любуясь тем, что сотворил со мной. — Радуйся, что это не теушкин ксанакс.

Я застонала, когда меня скрутил приступ головной боли. Она прошла виски, и я перевалилась на спину, подавляя рвотный позыв. Брат насильно вернул меня на прежнее место, сцепив руки замком под ноющими ребрами. Все, что я могла сделать, — это сжимать пальцы, силясь стряхнуть онемение с тела, как птица стряхивает с перьев воду.

— Зачем? — спросила я, мечтая отстраниться от влажного дыхания брата, когда он придвинулся слишком близко. Нам двоим на одной подушке сделалось тесно. — Не помню, чтобы я страдала бессонницей.

— Иначе ты бы мешалась.

— Мешалась?

— Да. И злилась, а я очень не люблю, когда ты злишься.

Нежный поцелуй в лоб ничуть не утешил. Брат провел рукой по моей расплетенной косе, длинной, неподъемной, — из года в год он отговаривал меня состригать волосы.

— Как же Имболк? — Я встrepенулась, и тяжелая медовая дремота наконец-то начала отступать, возвращая голосу силу, а мышцам подвижность. — Только не говори, что пытался досадить ковену, заставив меня проспать шабаш! Который час? Празднество уже началось?

— Нет, не началось. — Брат бесцеремонно оттянул назад мою голову, чтобы посмотреть на меня сверху вниз. — И никогда не начнется. Маленькой Верховной не к чему тревожиться. Мы всегда предпочитали общество друг друга, давай снова посмотрим «Кошачий глаз» и закажем пиццу. Помнишь, в детстве мы мечтали, как однажды сбежим отсюда и создадим собственный ковен?..

Слюна во рту стала вязкой, и предчувствие беды перестало тихо скрестись в грудной клетке — теперь оно вопило.

— Что ты сделал?

— Где не будет никаких правил... — продолжал брат, не слушая.

— Джулиан... Что ты сделал?!

— Где мы будем только вдвоем.

Бессмысленные слова. Бессвязные мысли. Его кожа — болезненно горячая. Я иступленно заерзала, борясь с желанием сдаться... И с нарастающим гневом. Мой брат — сумасбродный, импульсивный — мог напугать кого угодно, но только не меня. Невзирая на его бред и снотворный настой, которым он меня напоил. Несмотря на тошнотворные поцелуи, хаотично сыплющиеся на мои ключицы... Он не был способен навредить ни мне, ни кому-либо другому. Не был...

Шалфей. Лаванда. Полынь.

Мята. Гвоздика. Дурман. Маттиола...

Железо, которым пропитался каждый сантиметр этого дома, раз и навсегда вытеснило из него все прочие запахи.

Джулиан ткнулся носом мне в шею.

— Ковен нас недостоин.

Моя рубашка задралась, и под ней я почувствовала его холодные руки, липкие и мокрые. Густая слизь пропитала хлопок, вызвав волну омерзения, еще более сильную, чем вызывали его поцелуи. Задержавшись и высвободившись из плена одеял и властных объятий, я перекатилась на другую сторону кровати и включила торшер.

— Что-то не так? — спросил Джулиан с бездушной улыбкой на рябиновых губах, подставляя под свечение ночника окровавленные руки. Его свитер был облеплен багровыми ошметками человеческой плоти. — Ах да. Ты слышишь это? Именно так звучит тишина! Кто бы подумал, что цена пяти минут покоя в собственном доме окажется так несущественна. Шестеро Дефо. Четыре атташе. Пять семей. В сумме тридцать семь душ. Я похож на ту раковую опухоль, что убила нашу мать, только управился быстрее. «Верховная умерла — да здравствует Верховная!» Ты плакала, когда услышала это. «Ковен умер — да здравствует ковен!» Так звучит гораздо лучше. И плакать совсем не хочется, правда же?

Я распахнула глаза и, проглотив крик, резко села на подушках, убирая с лица включенные волосы, что приклеились к щекам от холодного пота.

— Надо уходить, — прошептала я и взгляделась в матовую темноту, которая простиралась до парадной двери и рассеивалась снаружи, уступая мерцанию садовых ламп.

Там, со следами от жесткого матраса и потекшей косметики на лице, босиком стояла Рэйчел. Мое пробуждение не стало для нее сюрпризом: передернув затвор карабина, она сдержанно кивнула. Зигзагообразные узоры татуировки, пересекающие ее шрамы под лямками майки, пульсировали огненным светом в такт моему сердцебиению.

— Да, я знаю, — тихо ответила Рэйчел. — Слишком поздно. Достань гримуар и спрячься. Он уже здесь.

Где-то вдоль аллеи мелькнула тень, затмевая свет ламп.

В дверь постучали.

I

НОВЫЙ ОРЛЕАН

«Н».

Я крепко зажмурилась, успев разглядеть следом «О» и «В», а затем все же пересилила себя и дочитала до конца.

«Новый Орлеан».

— Свиной чертополох! — выругалась я и, потупившись от осуждающего прищура многолетней мамы за соседним столиком, нечаянно смахнула локтем костяные кубики с рунами, вырезанными на каждой из граней.

Они рассыпались по бледной коралловой плитке, привлекая ко мне нежеланное внимание.

— Ладно, — истерически посмеиваясь, я с головой нырнула под стол, судорожно сгребая руны. — Простите меня. Сами знаете, как я психую, когда вы ерничаете, да к тому же эта простуда... Небесная карма, не иначе. Давайте поговорим по-хорошему, идет?

Я выковырнула ногтем последний кубик, закатившийся в выемку между стеной и поцарапанным стулом, и вернулась на место. Осторожно оглянувшись на посетителей кафе, я немного расслабилась: все были заняты изучением здешнего меню. Чувство тотального одиночества немного убавилось: кажется, в этом месте собралось немало безумцев, которых пресные вафли интересовали больше, чем происходящее за окном. А происходила там нехилая чертовщина: от ветра деревья пригибались к самой земле, на фоне этого обычное штормовое предупреждение, переданное по радио, звучало наивно. Небо заволакивала темная туча, будто кто-то уронил на небосвод чернильную кляксу. Она уже расплзлась вширь так, что, прильнув горячим лбом к стеклу, я так и не

смогла разглядеть ее края. Бесформенный черный хаос, проглотивший солнце и пытающийся разродиться дождем, — туча пульсировала, чего-то выжидая. Даря людям надежду успеть добраться до дома. И я разделила бы с ними это стремление, если бы только у меня тоже был дом.

Вместо этого я втянула голову в шарф и, уткнувшись в него заложенным носом, стала перебирать пальцами жемчужные бусы, успокаиваясь.

Я никогда не верила в сказки, как бы парадоксально это ни звучало из уст ведьмы, в чьем рюкзаке губная помада уживалась с гадальными картами, а проездной на метро прилип к свече с сердцевинкой из мыши. Жуткие, правдоподобные и темные, сказки братьев Гримм больше всего напоминали истинную магию, из которой испокон веков сплеталось наше существование. Волшебство в этой книге соседствовало с вкраплениями крови на страницах — волшебство граничило с тем же и в ковене. Именно поэтому у каждого из нас находилась любимая сказка братьев Гримм. Но если моя семья предпочитала «Гензель и Гретель» или «Милого Роланда», то Джулиан всегда выбирал сказку о двенадцати братьях — несчастных принцах, приговоренных к смерти после рождения их долгожданной сестры. *«И велел король выстругать двенадцать гробов для каждого из своих сыновей, колы несет ему королева желанную дочь, которая унаследует все его королевство...»*

Я никогда не верила в сказки. Так почему же вдруг оказалась в одной из них?

— Еще раз, — вздохнула я и, прикрыв глаза, встряхнула пригоршню костей. — Ну же!

«Ты всегда должна быть там, где велют быть руны. Они молвят голосом духов, а духи всегда видят больше. Ведь полная картина открывается только тем, кто смотрит на нее сверху».

Руны посыпались в небрежном броске, задевая пустые тарелки, а затем сошлись в старой треклятой вязи. Наутиз, Иса, Вуньо...

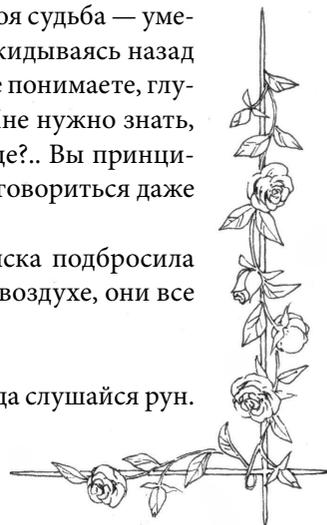
«Новый Орлеан».

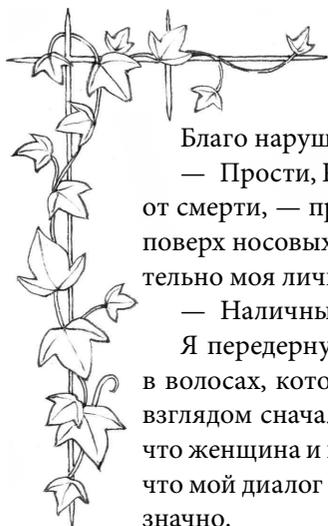
— Да я уже два месяца здесь торчу, черт возьми! Значит, моя судьба — умереть, смотря на французский квартал?! — воскликнула я, откидываясь назад так, что ударилась затылком о спинку дивана. — Вы правда не понимаете, глупые костяшки?! Он уже близко! Джулиан придет за мной. Мне нужно знать, куда бежать дальше. Где будет безопасно? Что, неужели нигде?.. Вы принципиально меня не слушаете? Да, я не Рэйчел, которая могла договориться даже с табуреткой, но... Умоляю!

Я стиснула пальцы и стукнула кулаком по столу. Встряска подбросила кубики на несколько сантиметров, но, даже закрутившись в воздухе, они все равно приземлились так же.

— Новый Орлеан, — со вздохом прочитала я в сотый раз.

«Никогда не выбирай место самостоятельно, поняла? Всегда слушайся рун. Поклянись, что и шага без них не сделаешь, Одри!»

Благо нарушать клятвы — моя коронная фишка.

— Прости, Рэйчел, но семейные традиции и ожидание чуда не спасут меня от смерти, — прошептала я и, стряхнув руны в мешочек, кинула его в сумку поверх носовых платков и дорожных карт. — Теперь моя судьба — исключительно моя личная прерогатива. И, пожалуй, я давно мечтала побывать в...

— Наличные или кредитка?

Я передернулась, поднимая взгляд на мужчину в фартуке и с проседью в волосах, который стоял прямо передо мной. Он смерил подозрительным взглядом сначала меня, а затем мои сумки, сложенные под стулом. Заметив, что женщина и шестеро ее чад пересели от меня в другой конец зала, я поняла, что мой диалог с неодушевленными предметами мог быть воспринят неоднозначно.

— Я не сумасшедшая, — тут же попыталась оправдаться я. — Просто трудный день выдался.

Официант нахмурился и развел руками, кивая в сторону окна.

— Дело не в этом. Мы закрываем кассу. Через пятнадцать минут мы должны бы закрыть кафе, но из-за шторма мы открыты до тех пор, пока на улице не станет безопасно. Посетители могут переждать здесь, только счет нужно оплатить сейчас.

Я замешкалась и демонстративно похлопала по карманам, подавляя панику, которую уже давно разучилась испытывать. В этот раз ситуацию усугубляло вовсе не мое безденежье, а стоящий снаружи гул от раскатов грома. Ветви деревьев безжалостно хлестали по крыше.

— На улице прямо шекспировская «Буря», — нервно хихикнула я, пытаюсь разрядить обстановку. — «Ад пуст, все дьяволы сюда слетелись». Похоже ведь, правда?

— Да, — сухо кивнул официант и, сложив руки на груди, нетерпеливо кашлянул. — Знаете, моя коллега Маргарет заметила, что вы сидите в нашем кафе уже восемь часов. У вас точно есть деньги?

— Есть. Просто... Я подхватила какую-то заразу. Сопли затопили мозг, и я плохо соображаю, — сказала я полуправду. — У меня есть деньги. Уж на такое-то! Я съела всего ничего...

— Три порции жареного картофеля, отбивные, салат с каперсами, салат с уткой, томатный суп и ромовый брауни с вафлями. Ах да, еще молочный коктейль из шоколадного печенья, — отчеканил мужчина, и его рот скривился в дежурной улыбке. — Отличный выбор, кстати. Так наличные или кредитка? Что выбираете? Может, полицию?

— Кредитку! — выпалила я, лишь услышав последнее слово, и быстро достала из рюкзака чью-то старую банковскую карту, давно заблокированную владельцем.

Официант облегченно выдохнул.

— Славно. Принесу терминал.

По коже побежали мурашки.

«Ад действительно пуст, сестренка. Я не оставил ни одного беса скучать в том унылом месте. Ты-то должна это знать, мы ведь оба оттуда родом».

Грудную клетку сдавило. Я схватилась за шарф, оттягивая его, будто дышать мне мешал он, а не голос брата в голове, который мне не доводилось слышать уже много лет. Я тревожно оглянулась, но, кроме многодетной семьи и еще нескольких зевак, в кафе уже никого не было. После пережитого Орлеаном урагана «Катрина» большинство жителей бежали домой при любом признаке непогоды. Мало кому могла понравиться мысль встретить потенциальную смерть в низкопробной забегаловке. Мне она не нравилась в том числе.

Пока официант отсоединял терминал, я бросила отчаянный взгляд на бурю за окном.

Выбор без выбора. Вот что это было.

— Кристиан, мы горим! Пожар!

Раньше это требовало больше времени и сосредоточия, но теперь — элементарный щелчок пальцами. Впрочем, раньше во мне и ярости было меньше. Теперь же она пылала, как самый высокий костер инквизиции, — точь-в-точь такой всколыхнул кухню кафе, когда я ударила ладонью по грязной поверхности стола и шепнула:

— *Fehu.*

Официант ахнул и, выронив терминал, бросился на помощь повару, на бегу хватая кувшин с ледяным лимонадом. Я же подняла рюкзак, закинула за спину футляр со скрипкой и незаметно покинула кафе, выбежав навстречу шторму.

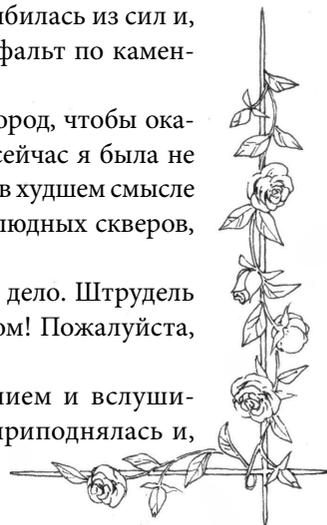
«И великие обеты в огне страстей сгорают, как солома».

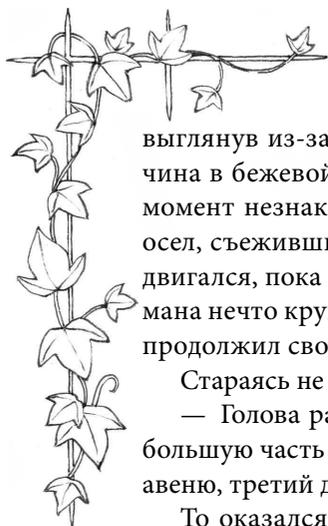
У меня перехватило дыхание от потока воздуха, ударившего в лицо, и я закуталась плотнее в шарф. Холод из-за надвигающегося дождя, странный в это время года, остудил меня. Ноги подкашивались от слабости. Но я быстро преодолела несколько улиц, стараясь не приближаться к раскачивающимся столбам, чтобы мое бегство не закончилось под одним из них. Пройдя еще квартал по пустому подземному переходу, я окончательно выбилась из сил и, выплевывая мокроту, скопившуюся в легких, сползла на асфальт по каменному ограждению.

Деньги. Мне нужны деньги. А затем транспорт и новый город, чтобы оказаться как можно дальше отсюда. Звучит легко, вот только сейчас я была не только слаба, чувствуя себя совершенно больной, но и одинока в худшем смысле этого слова. Одиночество для вора — приговор: десятки безлюдных скверов, а значит, и отсутствие тех, кого можно обокрасть.

— Штрудель. Штрудель. Сосредоточься... Дело. Сначала дело. Штрудель потом. Я люблю гром. Я люблю гром... Нет, я ненавижу гром! Пожалуйста, тише!

Прошло почти полчаса, пока я пряталась за ограждением и вслушивалась в ругань ветра, когда мимо проскочил человек. Я приподнялась и,

выглянув из-за уродливой горгульи, рассмотрела высокий силуэт — мужчина в бежевой куртке пересекал парк размашистыми шагами. В какой-то момент незнакомец остановился: тучи вновь взорвались, и он буквально осел, съездившись в комок и обхватив голову руками. Он заткнул уши и не двигался, пока все вокруг не смолкло, а затем выпрямился и, достав из кармана нечто круглое и бронзовое, похожее на компас или часы, невозмутимо продолжил свой путь.

Стараясь не кашлять, я двинулась следом.

— Голова раскалывается, — ворчал он, но я смогла разобрать лишь небольшую часть из его ворчания, держась на безопасной дистанции. — Пятая авеню, третий дом. Пятая авеню, третий дом...

То оказался юноша. Он шел и крутил в руках свой талисман. Видимо, это действовало на него успокаивающе, потому что при следующем раскате грома он только вздрогнул, но, справившись с дрожью, ускорил шаг. Дойдя до сквера, тянувшегося вдоль берега реки, юноша остановился у скелета металлической конструкции, в обычное время представляющей палатку, где торговали каким-нибудь псевдомагическим барахлом из коллекции псевдожрицы вуду.

Новый Орлеан никогда не спал, но сегодняшний вечер стал исключением. Передо мной стоял единственный человек как минимум в целом районе, кто не бежал от бури. Он выглядел воодушевленно, постоянно оглядывался по сторонам и поправлял волосы, которые трепал ветер. Темные непослушные кудри — единственное, что я могла разглядеть с такого расстояния. Ищущий что-то и, возможно, сумасшедший, судя по тому полубреду, что доносил до меня ветер... Единственная потенциальная жертва, от кошелька которой зависела моя жизнь.

Дурить таких — проще, чем отобрать конфету у ребенка.

— Мы же договорились, что перенесем встречу на завтра! Не слышал, что передают по всем каналам? Тебе жизнь не мила?!

Я прильнула к стене, ограждающей мостовую, с любопытством наблюдая за темнокожим мужчиной, который вышел из тени церковного собора, опираясь на дубовую трость. Его шею охватывал гладкий стальной обруч, с которого свисали маленькие черепа грызунов. Я никогда не сталкивалась с представителями вуду, но внутреннее чутье подсказало, что, пожалуй, впервые за время своих скитаний я повстречала кого-то, с кем у меня бы нашлись общие темы для беседы. Это же чутье подсказало, что ссохшийся человеческий череп на рукояти его элегантной трости отнюдь не искусственный.

— Хорошо, я вышел проверить, не настолько ли ты кретин, что все равно припрешься, — рявкнул ведьмак, и юноша ответил что-то, чего я не расслышала, но это заставило ведьмака рассмеяться: — Так у тебя нет постановления? Никакого перевода в Новый Орлеан из Бёрлингтона? Проклятый лгун! Здесь ты просто турист. В Луизиане у тебя нет прав, так что не смей их качать. За этим рекомендую вернуться в Вермонт...

— Мне правда очень нужно знать, — взмолился юноша, беспокойно почесываясь и крепко сжимая в кулаке округлый предмет. — Это важно!

— Это то, что важно тебе. Нам — нет.

— Ритуалы, происходящие несанкционированно у вас перед носом, не могут быть чем-то неважным!

— С чего ты взял, что речь идет о ритуалах?

— Не притворяйтесь. Вы ведь видели вырезанные на них знаки. Эти увечья... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы отличить зверскую бесчеловечность от сатанизма. Вдруг это не подражание, а эпидемия, которая скоро распространится дальше, на соседние города? Неужели вам не жалко детей?

Молния разрежала черные тучи, из-за которых город погрузился в ночь раньше назначенного часа. Юноша вздрогнул и, прижав бронзовую вещь к груди, глубоко вдохнул разреженный воздух. Темнокожий колдун угрюмо раздумывал, постукивая тростью о землю.

— Боюсь, мне нечего тебе рассказать. Мы пребываем в таком же неведении. Лучше обратись к ведьмам Бёрлингтона.

— В нашем городе их нет.

— Одна да найдется. Ищи тщательнее. В крайнем случае попроси помощи у ковена Шамплейн. В конце концов, территория по периметру озера — их угодья. Им и разбираться с проблемами, которые на ней возникают.

— Шамп... Погодите, что? Озеро не относится ни к одному ковену, иначе я бы знал.

— Ах да... Сколько тебе было, когда этот ковен почти исчез? Лет восемнадцать? Вступительные экзамены, выпускной, подростковые угри... Совсем сопьяк.

— Если он исчез, то как я попрошу у него помощи?

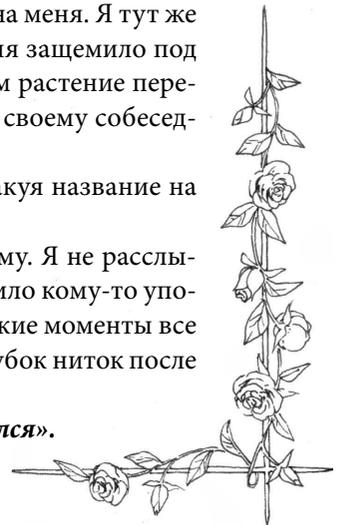
— Ты невнимателен, мой друг. Я сказал «почти» перед «исчез». Иногда одно крошечное слово меняет все.

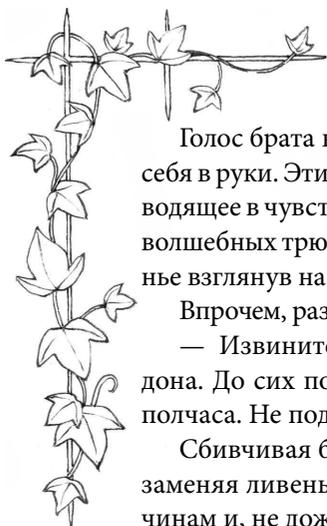
Гром оглушил меня, как и услышанное. Я была готова поклясться, что темнокожий колдун в ожерелье повернулся и посмотрел прямо на меня. Я тут же юркнула назад за ограждение. От предчувствия разоблачения защемило под ложечкой, я влипла — так мухоловка ловит насекомое. Затем растение переваривает его и глотает, но колдун не спешил выдавать меня своему собеседнику. Возможно, мне просто померещилось. Или...

— Ковен Шамплейн, — повторил юноша задумчиво, смакуя название на языке. — Запомню. Что-то еще? Хоть что-нибудь?

Ведьмак хмыкнул и, немного помедлив, наклонился к нему. Я не расслышала, о чем он говорил, и даже не пыталась: каждый раз, стоило кому-то упомянуть мой дом, как я будто получала обухом по голове. В такие моменты все остальное уходило на задний план. Мысли спутались, как клубок ниток после кошачьих когтей.

«Он грань хотел стереть меж тем, чем был и чем казался».

Голос брата в голове — отрезвляющее напоминание, что необходимо взять себя в руки. Эти слова из любимой пьесы — его издевательство надо мной, приводящее в чувство. Шмыгая носом, я попыталась вспомнить хоть один из своих волшебных трюков, на которые бы мне хватило сил в таком состоянии. В отчаянье взглянув на мостовую, я вдруг увидела, что юноша и колдун прощаются.

Впрочем, разок сыграть по старинке иногда тоже приятно.

— Извините, господа, я переехала сюда всего пару недель назад из Лондона. До сих пор такая путаница с этими указателями... Плутаю здесь уже полчаса. Не подскажете, где поблизости можно поймать такси?

Сбивчивая болтовня с фальшивым британским акцентом лилась из меня, заменяя ливень, который никак не хотел начинаться. Я заторопилась к мужчинам и, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них осознает смысл моей тирады, позволила ноге запнуться за выступ брусчатки (надо сказать, без особых проблем, потому что ноги меня и так не держали). Оттолкнув колдуна футляром со скрипкой и ухватившись за локоть юноши, я выдернула его руку из кармана куртки, в который он поспешил спрятать свой бронзовый талисман.

— Ох, простите ради бога! Мне что-то нездоровится в последнее время... — затараторила я и, вновь покачнувшись, уцепилась за ворот его рубашки. Другая рука скользнула вниз по его твердой груди ко внутренним швам куртки.

Растерянно заморгав, юноша лишь на секунду придержал меня, а затем отшатнулся, будто притронувшись к чему-то мерзкому. Такая реакция оскорбила бы меня, если бы не грандиозный успех: пальцы нашли, что искали. Обчистить с помощью особой ловкости рук за полторы минуты — тоже своеобразная магия.

— Вам следует обойти собор. Впереди будет перекресток, а там и остановка такси, — сказал колдун, давая оцепеневшему юноше время оправиться после нежелательного контакта. — Поторопитесь, буря явно дает вам шанс.

Он улыбнулся, и я едва нашла силы, чтобы не упасть в обморок, а улыбнуться в ответ. Я виновато кивнула и поспешила прочь, сорвавшись на бег спустя пару метров.

Ветер усиливался, раскачивая припаркованные у тротуаров автомобили. В глаза мне бросилась двухэтажная постройка из красного кирпича — заброшенная комиссионка. Картонная вывеска трепыхалась, бросая тени на заколоченные окна. В центральных кварталах Орлеана недвижимость пустовала редко, и, сочтя это завидным везением, я юркнула под дырявый навес. Спустя минуту я ввалилась внутрь магазина, несколько раз ударив по замку отнюдь не волшебным булыжником и снеся дверную ручку.

В магазине было темно и сыро. Свет с улицы, задушенный тучами, почти не помогал. Однако я все же различила шкафы, забытые бараклом, которое покрывал толстый слой пыли. Запотевшие склянки, надколота посуда, старые игрушки — мусор пестрил разнообразием. Выбрав несколько одеял, пахнущих смогом, я свалила их в кучу на полу и устало рухнула на них, включив прежде ночник, работающий на батарейках.

Заброшенная комиссионка, заросшая грязью, — совсем не то место, где я мечтала провести эту ночь. Но ослепительная вспышка, пробившись внутрь, убедила меня остаться. В небе будто протрубил божественный горн: оно наконец-то разверзлось, и дождь в мгновение ока затопил улицы и забарабил по крыше. Я торжествовала: чем раньше пройдет пик шторма, тем скорее все уляжется. Спрятав замерзшие ладони под шарф, я довольно заурчала и повеселела, ощущая в кармане тяжесть: под моими пальцами теплела кожа толстого портмоне, внутри которого меня ожидал большой сюрприз.

— Две тысячи долларов наличными! — воскликнула я, опешив. — Да этот парень точно псих!

От восторга я зашлась кашлем, но замерла, почувствовав в собственном кармане что-то еще, похоже, прихваченное нечаянно. Рядом с портмоне я выложила на одеяло тот самый бронзовый талисман, который оказался отнюдь не часами или компасом. Я открыла простое расписанное минималистичными ромбами карманное зеркальце. В нем мое бледное изможденное лицо казалось еще ужаснее. Помада точно бы не помешала...

Детский ночник замигал и внезапно погас, погрузив меня во мрак на секунду, показавшуюся томительной вечностью. Декоративные свечи на полках вспыхнули вместо фонаря — и все вокруг всколыхнулось, включая загоревшийся камин в конце зала, из которого хлынули гарь и сажа, но никак не тепло и уют.

— Ты знала, что Новый Орлеан называют Парижем Нового Света?

Я подскочила.

Мой визг утонул в раскате грома. Ужас сковал меня, как и руки брата, которые протянулись из темноты. Он прижался ко мне сзади, и я вдруг поняла, что мой визг получился беззвучным: тиски ужаса сдавили горло. Испуганно онемев, забыв, как драться, двигаться, бежать, я застыла и почувствовала, как Джулиан ласково целует меня в щеку.

— Выглядишь великолепно, — шепнул он, накрутив на палец локон моих волос, которых хватило лишь на пару оборотов вокруг фаланги. — Состригла косу. Покрасилась... Тебе идет быть блондинкой.

Его плащ зашелестел. Мы стояли между шкафами на скомканных покрывалах, пока за окном, судя по звукам, взрывался мир. Джулиан медленно развернул меня к себе, и я едва сдержалась, чтобы не зажмуриться. Пламя свечей плясало на лице, похожем на вырезанную из гипса маску.

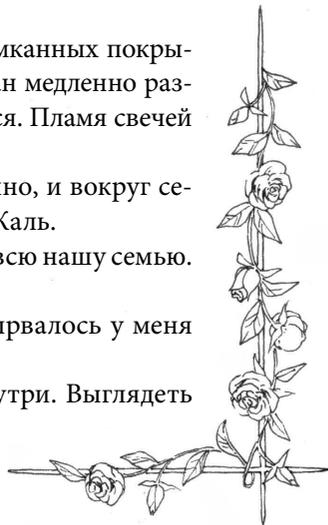
— Теперь мы ничуть не похожи, — выдохнул он огорченно, и вокруг серых глаз, отливающих сталью, образовались морщинки. — Жаль.

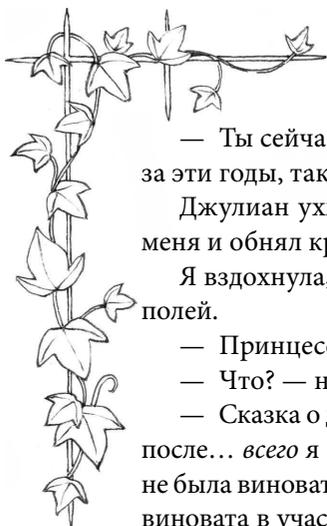
— Мы перестали быть похожи в тот момент, как ты убил всю нашу семью.

— Одри, не начинай... — простонал он.

— Ты ничуть не изменился. Хотя нет... Постарел, — вырвалось у меня язвительно. — Выглядишь на тридцатник.

— Чем больше в тебе магии, тем сильнее она давит изнутри. Выглядеть старше — не такое уж тяжелое бремя в обмен на могущество.

— Ты сейчас себя назвал могущественным? Все, чего в тебе стало больше за эти годы, так это самомнения.

Джулиан ухмыльнулся, и ноги у меня сделались ватными. Брат удержал меня и обнял крепче, заставляя прижаться вплотную. Отвратительно.

Я вздохнула, с болью в груди узнавая родной запах шалфея и лавандовых полей.

— Принцесса никогда не была виновата.

— Что? — нахмурился Джулиан.

— Сказка о двенадцати братьях, — прошептала я. — Твоя любимая. Только после... *всего* я поняла, почему она так тебе нравилась. Но принцесса никогда не была виновата, что король грезил о ее появлении на свет. Принцесса не была виновата в участии братьев и уж тем более в том, что родилась. Все, что случилось дальше, — исключительно вина короля.

— Верно, — внимательно выслушав меня, согласился Джулиан и большим пальцем провел по моей щеке, покрасневшей от предательских слез, которые магическим образом высохли сразу же, как брат их заметил. — Я никогда не винил принцессу.

— Разве?

— Никогда, — повторил Джулиан сдержанно.

— Тогда просто сверни мне шею, — попросила я. — Хоть раз прояви милосердие. Надеюсь, ты знаешь, что это такое. Мою магию тебе все равно не забрать.

— Что? — Джулиан скривился. — Погоди... Ты думаешь, я хочу тебя убить? — Я подняла голову, едва вынося его дыхание на своих губах, только чтобы посмотреть на него, а затем услышала: — Я не собираюсь причинять тебе вред. Глупая маленькая Верховная... Я пришел за тобой, чтобы *любить*.

Все внутри вспыхнуло и взбунтовалось, когда Джулиан поцеловал меня. Влажные холодные губы, сминающие мои — горячие и сухие, обветрившиеся на ветру. Меня скрутило в рвотном позыве, и перед глазами все поплыло.

— Да у тебя жар! — встрепенулся он и отстранился, чтобы придирчиво осмотреть меня с головы до ног, пока я безуспешно пыталась избавиться от съеденного недавно брауни. — Захворала после того, как на спор искупалась в Миссисипи? Да, я следил за тобой. Если я не показываюсь — это не значит, что я не смотрю. Время игр в прятки давно прошло. Больше не убегай, ладно, сестренка?

Меня будто обожгло льдом, когда его ладонь скользнула мне под свитер и прильнула к голому животу, облегчая лихорадку, но превращая все остальное в кошмар. Я зажмурилась, пытаюсь терпеть. Шершавые пальцы медленно погладили шрам, который оставили кусты роз, где мы играли в детстве. Он ощупал каждую отметину, которая связывала меня с прошлой жизнью, и дотронулся даже до рубца четырехлетней давности на предплечье — память о той жертве, что оказалась слишком велика для меня даже во имя спасения.

— Ты мне не брат, Джулиан.